

Г. С. КУЧЕРЕНКО

СЕНСИМОНИЗМ В «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ПОЛИТИКЕ» ПРОСПЕРА АНФАНТЕНА

Жизнь и труды Проспера Анфантена были предметом многочисленных исследований¹. Современная наука располагает и сводными библиографическими сборниками², и его сочинениями, и перепиской, изданными гораздо более тщательно, чем труды его учителя — Сен-Симона. Сочинения и переписка публиковались отдельными книжками самим Анфантеном³, а после его смерти со значительными дополнениями были включены душеприказчиками в «Собрание сочинений Сен-Симона и Анфантена»⁴. Первые 13 томов этого уникального по своей хаотичности издания носят название «Исторических заметок»; из них Сен-Симону посвящена половина первого тома, остальные 12 с половиной — истории сенсимонистской школы, главным образом Анфантену, вернее, его переписке 1825—1864 гг. и кратким комментариям к ней. Последний том включает материалы сенсимонистских процессов 27—28 августа и 19 октября 1832 г.

Библиографические справки, сочинения, переписка, «Исторические заметки» — вот те основные источники, которыми располагали авторы работ о сенсимонистском движении и об Анфантене. Однако ученики отодвигали в тень учителя, как вслед за тем буржуазные историки превратили самого его в предшественника учения, носящего его имя, а сенсимонизм — в некую синкретическую идейную сверхреальность, лишенную какой-либо идеологической определенности.

«Исторические заметки», сама структура и характер «Собрания сочинений» давали, кроме того, возможность преувеличить роль Анфантена в сенсимонистском движении. Так, например, все авторы журнала «Le Producteur» изображены здесь как простые сотрудники Анфантена⁵, хотя они были не только людьми самостоятельными, но и стояли на разных идейных позициях. Дабы доказать, что Анфантен занимал руководящее положение в журнале «Le Producteur», сообщается, что из 100 статей им на-

¹ R. F a k k a r. Sociologie, socialisme et internationalisme pré-marxiste. L'Influence de Saint-Simon. Neuchâtel, 1968, p. 34.

² «Catalogue générale de la Bibliothèque Nationale», vol. 47, p. 433—436; J. W a l c h. Bibliographie du Saint-Simonisme. Paris, 1967, p. 33—41.

³ Назовем наиболее крупные: P. E n f a n t e n: Enseignements faits par le Père Suprême. Paris, 1832; Economie politique et politique. Articles extraits du Globe. Paris, 1831 (2 éd. Paris, 1832); Correspondence philosophique et religieuse. 1843—1845. Paris, 1847; Correspondence politique. 1835—1840. Paris, 1849; Science de l'homme. Physiologie religieuse. Paris, 1858; La vie éternelle. Paris, 1861. О прижизненных изданиях отдельных речей и брошюр см. H. F o u r n e l. Bibliographie Saint-Simonienne. Paris, 1833.

⁴ В этом «Собрании сочинений» труды П. Анфантена помещены в томах 14, 16 и 17 («Поучения верховного отца»), 24—36 («Переписка»), 46 («Вечная жизнь», «Религиозная физиология»). Необходимо также отметить, что письма Анфантена опубликованы и в других томах.

⁵ H. S a i n t - S i m o n. Oeuvres, vol. I—XLVII. Paris, 1865—1878, vol. I, p. 177.

писано 49, а остальные — его сотоварищами⁶. Трудно сказать, почему именно столько, а не, скажем, гораздо меньше. Видимо, издатели включили в это число не только статьи, но также рецензии и мелкие заметки Анфантена в разделе «Смесь».

Очень сдержанно, даже скупно, рассказано в «Исторических заметках» о Базаре и об «Изложении учения Сен-Симона». Вместо раскрытия содержания этого важнейшего теоретического труда авторы «Заметок» приводят отрывки из относящихся к соответствующему времени писем Анфантена, словно эти «апостольские послания» значили больше, чем публичные лекции Базара, выпущенные затем отдельной книгой. Издатели «Собрания сочинений» настаивают на коллективном характере «Изложения», не пытаясь выяснить степень участия каждого из авторов⁷. Это не случайно. Из 30 лекций Анфантен прочел только три (8, 12 и 16-ю), и этого факта не меняют никакие соображения об его общей вдохновляющей роли и значении его работы над первой частью «Изложения» в качестве главного редактора. Сами эти три лекции вместе с написанным Анфантеном «Введением» занимают весьма скромное место в теоретическом наследии сенсимонистской школы.

«Введение» представляет некоторый интерес для характеристики двух этапов ее истории — периода журнала «Le Producteur» и периода «тихого распространения», а также для исследования вопроса об отношении учеников к Сен-Симону. Лекция 12-я — «Законодательство» — посвящена частному вопросу и обосновывает идею, что законодательство всегда связано с характером отношения общества к тем или иным явлениям. Это отношение определяет наказания и награды, но само оно зависит от уровня цивилизации. Законодательство связано с воспитанием, выступая его дополнением. Право Анфантен рассматривает как один из «великих способов руководить обществом», «придавать ему то или иное направление», т. е. считает одним из средств перехода к обществу будущего⁸. Нельзя сказать, чтобы эти рассуждения принадлежали к числу высших теоретических достижений сенсимонистов. Лекция 16-я («Письмо о трудностях, ныне препятствующих принятию нового религиозного верования») хотя и выявляет отношение автора к некоторым морально-этическим и религиозным вопросам, но выглядит чрезвычайно «невывырышно» в ряду 15 лекций Базара, в которых всесторонне разрабатываются различные аспекты сенсимонистской религии.

Наибольший интерес представляет 8-я лекция («Современные теории собственности»), обобщающая опубликованные Анфантеном в «Le Producteur» многочисленные рецензии на книги по экономическим вопросам. Но издателей не интересовали ни эта лекция, ни статьи Анфантена по проблемам экономики и финансов.

Издатели не только преувеличивают роль сенсимонистского движения по сравнению с Сен-Симоном и не только выпячивают роль Анфантена среди сенсимонистов. За его религиозностью, за сумбурными идеями о «раскрепощении плоти» они не разглядели его действительно глубоких экономических идей, философии производства и политики. При этом нельзя сказать, чтобы экономические проблемы совершенно обходились вниманием. Напротив, экономическая деятельность Анфантена после 1832 г. (когда он стал преуспевающим дельцом и буржуазным прагматиком, хотя и заявлял, что воплощает идеи сенсимонизма на практике) описывается в пяти томах «Исторических заметок». В общей груде писем, религиозных поучений, выступлений по женскому вопросу Анфантен — глава сенсимонистской церкви, Анфантен — буржуазный предприниматель, Анфантен — «живой закон» и воплощение бога, Анфантен — главный теолог, Анфантен —

⁶ Ibid., p. 180.

⁷ Ibid., vol. II, p. 19 и сл.

⁸ Ibid., vol. XLI.

теоретик «промискуитета» — тем не менее вытесняет Анфантена-экономиста, автора работ по политэкономии, написанных с позиций сенсимонизма, т. е. критическо-утопического социализма.

Экономические работы, опубликованные Анфантеном в 1825—1826 гг. в журнале «Le Producteur», не переиздавались. Что касается его статей на эти же темы, появившихся в газете «Le Globe» в конце 1830 — первой половине 1831 г., а затем собранных воедино и дважды изданных отдельной книгой в 1831 и 1832 гг., то в последующее время Анфантен этого главного своего сочинения не переиздавал. Издатели «Собрания сочинений», в свою очередь, в 45-м томе поместили лишь несколько отрывков из этой сенсимонистской газеты⁹.

Небрежность издателей в отношении ранних экономических сочинений Анфантена — не результат забывчивости, а, как нам кажется, сознательная позиция. Их автор, став почтенным буржуа, издавал труды лишь о некоторых «респектабельных» сторонах своего сенсимонистского прошлого, а политэкономические «грехи» и пролетарские «увлечения» сенсимонистской молодости предпочитал не рекламировать. Душеприказчики же, тем более, и знать ничего не хотели, кроме развития им принципов религиозности и вполне благопристойной «несоциалистической» деятельности, развернувшейся после 1832 г. «После закрытия «Le Producteur», — писали они, — его редакторы занимались прежде всего религиозным вопросом, который Сен-Симон поставил в 1802 г. в своем первом сочинении и который он старался решить в 1825 г. в своем последнем труде».

Версию о разработке Анфантеном преимущественно религиозных вопросов и выдающемся значении его предпринимательской деятельности после 1832 г. приняли многие историки. Ее обосновывали Ж. Вейль и А. Дальмань, С. Шарлети и И. И. Иванов, разные ее варианты можно встретить как в общих трудах о движении сенсимонистов, так и в немногих работах, специально посвященных Анфантену¹⁰. Идеологическая подоплека и научная несостоятельность таких попыток очевидна. При этом указанные авторы не отказывали себе в удовольствии высмеять некоторые крайности анфантеновской религиозности, особенно его одиозное учение о «реабилитации тела» и освобождении женщины. Как известно, после разрыва с Базаром Анфантен всю деятельность школы свел, по существу, к пропаганде именно этого учения. Деятельность сенсимонистов приобрела в результате несколько скандальный характер, чем и воспользовалось правительство. В результате двух судебных процессов сенсимонистское движение формально прекратило свое существование, а Анфантен был приговорен к тюремному заключению.

В творческом наследии Анфантена религиозный и женский вопросы, как уже отмечалось, занимали огромное место. Проблем религии он касался в письмах и трудах, опубликованных в «Собрании сочинений», и почти столь же часто он высказывался о необходимости превращения женщины «в равную и истинную половину мужчины, с тем, чтобы они вдвоем образовали единый социальный индивид»¹¹. Анфантеновские представления по религиозному и женскому вопросам характеризуют реакционную, утопическую сторону его воззрений. Кроме того, женский вопрос не занимал в творчестве Сен-Симона почти никакого места, а учителями Анфантена в религиозной области были не столько автор «Нового христианства», сколько Е. Эхталь и Э. Родриг, познакомившие его с сочинениями

⁹ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. XLV, p. 421—474.

¹⁰ S. Charlety. *Enfantin*. Paris, 1930; H. Allemaigne. *Prosper Enfantin et les grandes entreprises du XIX siècle*. Paris, 1935; J. P. Ale m. *Enfantin, le prophète aux sept visages*. Paris, 1964.

¹¹ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. II, p. 19—20. Особенно четко выражены эти взгляды в письмах к матери и кухне летом 1831 г. (*ibid.*, vol. XXVII, p. 191, 211; vol. XXVIII, p. 1), в материалах «общего собрания семейства» (*ibid.*, vol. IV, p. 15 и сл.), во всех «поучениях» Анфантена (*ibid.*, vol. XIV, XVI, XVII).

немецких религиозных мыслителей¹². Именно «Политическая экономия и политика», а не чувственная пантеистическая религия и одиозные рассуждения о взаимоотношении полов позволяет Анфантену именоваться учеником Сен-Симона и продолжателем его дела как представителя критическо-утопического социализма первой половины XIX в.

Как в «Le Producteur», так и в «Le Globe» Анфантен выступал главным экспертом по экономическим и финансовым вопросам. Этой стороне дела мы и уделим внимание, причем не только потому, что буржуазные авторы, а также и издатели «Собрания сочинений» замалчивают «Политическую экономию и политику», но и потому, что именно в этой работе получили дальнейшее развитие некоторые идеи Сен-Симона и был сделан новый шаг на пути развития социализма от утопии к науке.

Как известно, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс наряду с анализом творчества Сен-Симона большое внимание уделяли и исследованию идейного наследия сенсимонистской школы. Весьма примечательно, что основоположники научного социализма вопрос о сенсимонистской школе рассматривали особо, отделив его от характеристики сочинений самого Сен-Симона. «Период времени с момента смерти Сен-Симона до июльской революции» в деятельности школы они обозначают как важнейший этап в теоретическом развитии сенсимонизма. Главное в этот период — критика сенсимонистами существующего строя. К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что, в частности, «Le Globe» «содержит... подробнейшую и серьезнейшую критику существующего строя, особенно его экономических порядков». К. Маркс и Ф. Энгельс отличали Анфантена-священника от Анфантена-экономиста и называли в этой связи его экономические работы, которые он писал для «Le Globe»¹³. В. И. Ленин указывал на важнейшую сторону критики сенсимонистами капиталистической действительности. Так, он отмечал, что сенсимонист Перейр «увлеченный осуждением противоречий капитализма, *просматривает за этими противоречиями* тот факт, что *обмен* тоже выражает особую форму общественного хозяйства, что он, следовательно, *не только разъединяет* (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), *но и соединяет* людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка». Подобную критику капитализма В. И. Ленин определяет как «поверхностность понимания», вызванную «увлечением «разнести» капитализм (с точки зрения утопической)»¹⁴.

Напомним основные вехи биографии Проспера Анфантена. Он родился 8 февраля 1796 г. в Париже в семье разорившегося банкира, стал стипендиатом Политехнической школы, в 1814 г. оборонял Париж от неприятельских войск. В годы Реставрации, в условиях чистки Политехнической школы, был исключен из числа ее студентов и занялся ремеслом коммивояжера (торговал винами в Германии и России), в 1821 г. перешел на службу в один из петербургских банкирских домов, а два года спустя вернулся в Париж и продолжил свою финансово-коммерческую деятельность в ипотечной кассе. Директор ее О. Родриг, видимо, обратил внимание Анфантена на сочинения Сен-Симона, в частности на «Катехизис промышленников», а в 1825 г. познакомил своего служащего и с самим мыслителем. Знакомство было очень кратковременным. Анфантену удалось присутствовать лишь однажды на чтении «Нового христианства».

Встреча с Родригом, знакомство с Сен-Симоном и его сочинениями, контакт с его учениками оказались поворотным моментом в жизни Анфантена. После кончины Сен-Симона он выступил в числе учредителей журнала «Le Producteur», стал одним из самых деятельных его сотрудников и, наряду с Базаром, постепенно выдвинулся в качестве руководителя, а за-

¹² E. R o d r i g u e s. Lettres sur la religion et la politique. Paris, 1829 (в приложении есть перевод работы Лессинга «О воспитании рода человеческого»).

¹³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 3, стр. 510; см. также стр. 512.

¹⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 213.

тем и «верховного отца» сенсимонистской школы. Базар был умом и организующим центром движения, Анфантен — его чувством, энтузиазмом, порывом. По свидетельству современников, он возбуждал неотразимую симпатию, обладал способностью очаровывать слушателей. Однако это был не только эмоциональный проповедник, но и опытный делец, не только слабо подготовленный религиозный теоретик, но и начитанный, знающий экономист. Именно в этом качестве он и выступил в «Le Producteur».

Опубликованные Анфантеном в «Le Producteur» статьи заложили основы сенсимонистской политической экономии¹⁵. Выраженные в них идеи получили дальнейшее развитие в работах Анфантена, образующих книгу «Политическая экономия и политика». Стиль экономических работ Анфантена настолько отличается от апостольского языка его религиозных поучений, что иногда даже трудно поверить, что все они написаны одним и тем же лицом. Кроме статей (мы насчитали их 14, а не 49), Анфантен опубликовал ряд рецензий и мелких заметок разного содержания. Он писал на религиозные темы¹⁶, откликался на работы сотоварищей¹⁷, но устойчивый научный интерес проявлял к трудам по теоретическим проблемам экономики¹⁸.

Уже в статьях и рецензиях, опубликованных в «Le Producteur», были высказаны некоторые идеи, обогащенные затем в «Le Globe» и образовавшие в целом анфантеновскую политическую экономию, понимаемую как определенная философия развития производства. Уже здесь Анфантен, в соответствии с учением Сен-Симона, утверждает, что «производственная организация» одержала в обществе историческую победу над организацией феодальной. Именно ее победа свидетельствует о том, что в отношениях между людьми постепенно дух ассоциации вытесняет дух завоевания и насилия и что тенденция общественного развития ведет к установлению гармонии между благосостоянием и талантом человека, к торжеству личных его достоинств над имущественными правами, к числу которых относится собственность и связанная с ней власть распоряжаться чужим трудом и потреблением. Политическая экономия как философия развития производства должна отыскать закон, который определит окончательное торжество этой тенденции¹⁹.

¹⁵ P. E n f a n t i n : Des sociétés anonymes et en commandité, par actions. — «Le Producteur», vol. I, № 4; Considerations sur la baisse progressive des objets mobilier et immobiliers. — Vol. I, № 12; Des banks d'escompte. — Vol. II, № 14, 16; Des banquiers cosmopolites. — Vol. II, № 18; Reflexions sur quelques questions de donanes et de finances, discutées actuellement en France et en Angletterre. — Vol. II, № 22; Conversion moral d'un rentier. — Vol. II, № 22; vol. IV, № 2, 3; Considérations sur l'organisation féodale et l'organisation industrielle; comment l'esprit d'association se subotetue graduellement dans les rapport sociaux à l'esprit de conquete. — Vol. III, № 1; Du systeme d'emprants comparé à celui des impots. — Vol. III, № 2; De la concurrence dans les entreprises industrielles; De la circulation. Echange, vente, promesie, produits, monnai, papier. — Vol. IV, № 1; Considerations sur les progrès d'économie politique dans ses rapports avec l'organisation sociale. — Vol. IV, № 3; vol. V, № 1.

¹⁶ P. E n f a n t i n : De l'influence des getes publiques sur le bien etre de la société. — «Le Producteur», vol. I, № 4; La France Chrétienne, journal religieux, politique et littéraire. — Vol. VIII, № 1; L'Ami du Bien, journal consacré à la moral chrétienne et aux progrès des lettres, des sciences et des arts. — Vol. IV, № 2.

¹⁷ P. E n f a n t i n : Cercler, O. Rodrigues. Résumé de l'histoire des Juifs par Leon Halevi. — «Le Producteur», vol. I, № 6; Résumé de l'histoire de la philosophie par M. P. M. Laurent. — Vol. III, № 1.

¹⁸ P. E n f a n t i n : Notions élémentaires d'économie politique par M. le comte d'Hauterive. — «Le Producteur», vol. II, № 19; Cathéchisme d'économie politique, par M. J. B. Sey; Résumé de l'histoire du Commerce et de l'Industrie, par A. Blanqui. — Vol. III, № 1; Bases fondamentales de l'économie politique d'après la nature des chose, par L. T. Cuzaux. — Vol. III, № 3; Economie politique, par M. J. B. Sey; Nouvelles idées sur la population, avec des remarques sur les théatres de Multhus et de Godwin, par A. N. Gverett. — Vol. IV, № 1; Economie politique par M. Schmulz. — Vol. V, № 1.

¹⁹ «Le Producteur», vol. III, № 1, p. 66—78.

В «Le Producteur» Анфантен намечает коренное отличие своей политэкономии от соответствующих систем буржуазных авторов. Он утверждает, что в системе «производственных отношений» общество делится прежде всего не на производителей и потребителей, а на производителей и непроизводителей, на трудящихся и праздных²⁰. Здесь еще нет окончательного вывода о том, что этому делению в современном Анфантену обществе соответствует деление на класс рабочих и капиталистов. Этот вывод будет всесторонне обоснован в статьях, образующих «Политическую экономику и политику». В том же журнале Анфантен затрагивает различные конкретные проблемы «ряда материальной деятельности» и анализирует некоторые его противоречия. Проявлением антагонизма в современную ему эпоху он считает конкуренцию промышленных предприятий и предлагает меры в области кредита, которые, по его мнению, сыграют первостепенную роль в преобразовании производства. При этом, развивая мысль Сен-Симона о банках как средстве регулирования развития промышленности, Анфантен превращает их в единственно верное оружие против конкуренции, т. е. промышленного антагонизма²¹.

Рисую проект новой кредитной системы, создаваемой в интересах производителей, Анфантен выдвинул несколько спорных финансово-экономических идей. Так, в соответствии с представлением об уменьшении антагонизма он заявлял, что арендная плата за предметы движимой и недвижимой собственности прогрессивно понижается и стремится к нулю. Из этого довольно спорного заявления делался вывод о возможности исчезновения заинтересованности в получении процентов на капитал. Анфантен утверждал также, что можно создать такую систему банков, которые будут выдавать кредиты даже без учетной ставки. Большую роль он отводил так называемым командитарным ассоциациям: их капитал, составленный из взносов пайщиков, должен использоваться для поддержки способных организаторов промышленности и тем самым обеспечивать прогресс «производственного ряда», а также для обеспечения ссудами мелких предпринимателей, что будет способствовать равномерному распределению крупного капитала и уменьшению социальных антагонизмов. Одной из ведущих идей политической экономии Анфантена уже со времени «Le Producteur» становится мысль о замене системы налогов системой займов как более отвечающей интересам промышленного развития, а также об упразднении процентных платежей по этим займам.

Эти разрозненные первоначальные идеи в известной мере были обобщены в лекции, прочитанной Анфантеном 25 марта 1829 г., и опубликованы затем в книге «Изложение учения Сен-Симона» под названием «Современные теории собственности»²², а также в статьях конца 1830 — первой половины 1831 г., напечатанных в газете «Le Globe»²³ и включенных в изданную анонимно книгу «Политическая экономия и политика». Некоторым дополнением к этим работам могут служить, по нашему мнению, отдельные части лекции «Структура собственности. Организация банков»²⁴, которая была прочитана Базаром 11 марта 1829 г. и в целом отражает его взгляды; однако в тех частях, о которых идет речь, она была отредактирована и дополнена Анфантеном. Имеются в виду отрывки о существующей организации собственности с точки зрения ее полезности для промышленного производства, о материальной деятельности в обществе будущего, о роли банков²⁵.

²⁰ Ibid., № 2, p. 365.

²¹ «Le Producteur», vol. III, № 2, p. 366.

²² H. S a i n t - S i m o n. Op. cit., vol. XLI, p. 282—331; ср. H. F o u r n e l, Op. cit., p. 70.

²³ «Le Globe», 28.XI, 1, 12, 21, 27.XII.1830; 7, 14, 21, 28.III.1831.

²⁴ H. S a i n t - S i m o n. Op. cit., vol. XLI, p. 238—282.

²⁵ Ibid., p. 247—252, 262—263, 252—254, 263—276.

Авторство Анфантена легко устанавливается путем сравнения этих отрывков с его бесспорными работами: их объединяет общая тематика, язык, система и манера рассуждений. Отрывки помогают выявить вклад Анфантена как теоретика «материальной деятельности» и установить связь его политэкономических воззрений с общетеоретическими и историко-философскими идеями Сен-Симона и Базара.

Названные лекции читались в марте 1829 г. и были опубликованы как часть «Изложения» в августе и затем в декабре 1830 г. Статьи по экономическим и финансовым вопросам Анфантен начал публиковать в «Le Globe» с ноября 1830 г. Это позволяет использовать все перечисленные работы для исследования вопроса о судьбах идей Сен-Симона в «Политической экономике и политике» Анфантена. В самом общем виде политическая экономия рассматривается автором как наука о материальной деятельности людей. Задачей ее является исследование «фактов производственного ряда», «материального или промышленного аспекта» в жизни общества²⁶. При этом Анфантен постоянно напоминает о двух других аспектах — «интеллектуальном или научном» и «чувственном или религиозно-этическом»²⁷ — и отнюдь не рассматривает промышленный аспект в качестве ведущего. Он просто выделяет экономический ряд как объект самостоятельного анализа и в этой связи с удовлетворением отмечает, что интерес общества к данным проблемам возрастает, что даже «государственные деятели интересуются промышленностью и начинают как будто замечать людей, производящих богатства»²⁸.

Представление о предмете и содержании политической экономии Анфантен вырабатывал в острой полемике с буржуазными экономистами, и это само по себе является характерной особенностью его творчества в данной области, начиная с рецензий в журнале «Le Producteur». Большая заслуга экономистов, по мнению Анфантена, в том, что они «обратили внимание на промышленные явления»²⁹. Однако в работах даже наиболее крупных экономистов содержатся весьма существенные недостатки. По мнению Анфантена, экономисты и в особенности Сэй, который обобщает труды почти всех своих коллег, смотрят на собственность как на существующий факт, происхождение и развитие которого они не исследуют; они даже не доискиваются, в чем состоит его полезность³⁰. Все экономисты не могли объяснить сущность «социального порядка, в соответствии с которым одна часть людей владеет средствами производства, а другая берет их в наем, в результате чего первые живут трудами вторых... Они рассматривают современное состояние собственности как неизменный факт, вопреки тем переменам, которым этот институт подвергался на протяжении веков; им кажется, что люди всегда будут жить в таких условиях, когда одни испытывают все радости, не работая, а другие несут тяжкую ношу изнурительного труда, обременены пороками, невежеством и нищетой»³¹.

Сисмонди, с удовлетворением констатирует Анфантен, «обратил внимание на то, что у праздных собственников и у трудящихся, применяющих собственность к делу, интересы по необходимости должны быть разными»³². Если бы Сисмонди, полагает Анфантен, вместо того, чтобы рассуждать только о системе земледелия, применил свою мысль ко всему «производственному ряду», то выразил бы самую широкую, самую плодотворную идею, какую только может высказать экономист относительно социального строя. Ограничившись рассмотрением аграрных отношений, Сисмонди

²⁶ P. Enfantin. *Economie politique et politique*, p. 121.

²⁷ Ibidem.

²⁸ H. Saint-Simon. *Op. cit.*, vol. XLI, p. 273.

²⁹ P. Enfantin. *Op. cit.*, p. 63.

³⁰ H. Saint-Simon. *Op. cit.*, vol. XLI, p. 292.

³¹ P. Enfantin. *Op. cit.*, p. 62—63.

³² H. Saint-Simon. *Op. cit.*, vol. XLI, p. 292.

лишь коснулся «коренного вопроса о людях праздных и о трудящихся» и, указывая на одну только земельную собственность, не решился нападать на собственность в целом³³.

Экономисты, пишет Анфантен, претендуют на то, что в своих трудах они «показали, как происходит образование, распределение богатств, но их мало занимает вопрос о том, всегда ли созданные трудом богатства будут распределяться сообразно происхождению и в значительной своей части потребляться людьми праздными; им даже безразлично, раб ли является производителем, воин ли тот, кто распределяет, и кто из двух, господин или раб, потребляет большую часть продукции»³⁴. Такой подход к делу, когда экономические вопросы рассматриваются «независимо от той социальной организации, которой подчинены производители, люди, ведающие распределением, и потребители», превращает труды экономистов «в вечную мистическую абстракцию, лишенную каких бы то ни было связей с реальностью, в подлинную гимнастику ума»³⁵. Такой подход не только научно несостоятелен; он служит «защите существующей системы собственности»³⁶. Анфантен неоднократно подчеркивает зависимость общественных идей от материальных интересов тех, кто их высказывает, от их позиции в отношении трудящихся и праздных. Так обстоит дело «в морали и искусстве, в науке и преподавании, в производстве и распределении»³⁷.

Экономисты XVIII в. Тюрго и Кине, защищая интересы земельных собственников, задумывались над вопросом: «Как люди, которые отбирают у трудящихся долю их труда, могут добиться не только того, чтобы им прощали, но и того, чтобы сами трудящиеся относились к разделу с уважением и любовью». Они не решали этого вопроса, отмечает Анфантен, ибо «имели в виду интерес собственников, а не интерес трудящихся»³⁸. Английские экономисты Мальтус и Рикардо своим учением о земельной ренте и об использовании ее на содержание знатных землевладельцев «узаконили, насколько это зависело от них, политическую организацию, в которой одна часть населения живет за счет другой»³⁹. Более того, Мальтус и Сисмонди «для защиты существующей собственности пускаются в рассуждения, которые можно было бы применить к защите самых бесчеловечных учреждений»⁴⁰.

Итак, констатирует Анфантен, буржуазная политическая экономия исходит из факта неизменности института собственности, «не связывает его с каким-нибудь общим воззрением на социальный порядок, к которому направляется человечество»⁴¹: она защищает интересы собственников. Экономисты, легисты и политические теоретики не выдвинули ни одной идеи, которая была бы способна «перестроить собственность на основах, соответствующих нынешним и будущим потребностям человечества»⁴². Таков окончательный вывод Анфантена из анализа состояния современной ему политической экономии. «Нам важно было привлечь внимание к этому факту, — отмечал Анфантен, — одновременно с изложением и развитием взглядов сенсимонистской школы на собственность»⁴³.

Представление о предмете политической экономии как науке о производственной деятельности человека формировалось у Анфантена не только в острой полемике с буржуазными экономическими учениями, но и

³³ Ibid., p. 292—294.

³⁴ Ibid., p. 300.

³⁵ P. Enfantin. Op. cit., p. 120.

³⁶ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. XLI, p. 296.

³⁷ P. Enfantin. Op. cit., p. 62.

³⁸ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. XLI, p. 298.

³⁹ Ibid., p. 295.

⁴⁰ Ibid., p. 313.

⁴¹ Ibid., p. 296.

⁴² Ibid., p. 329.

⁴³ Ibid., p. 329—300.

выступало одновременно как нечто противоположное им, как результат применения к «производственному ряду» принципов сенсимонизма. «Мы, дети Сен-Симона... возвещаем будущее, преисполненное мира и любви», — писал Анфантен в своей «Политической экономии и политике»; он рассматривал свое учение как важный момент в «реализации доктрины Сен-Симона»⁴⁴.

В соответствии с принципами историзма, разработанными Сен-Симоном и развитыми Базаром, Анфантен отказывается от абстрактного рассмотрения «материальной деятельности»: экономические явления «различны в разных местах и в разное время»⁴⁵. Автору не чужд интерес к прошлому промышленности, он призывает лучше знать его. Людям много известно о тех ударах, которые были нанесены по феодализму и разрушили его. «Однако, — полагает Анфантен, — мы не столь хорошо знаем о значении материальной деятельности самого народа в этом разрушении, мы совершенно не представляем себе непрерывного роста новой силы мирного созидания, которая укреплялась по мере того, как старая сила разрушения и войны шла на убыль. Мы знаем историю королей, а не народа, историю наших армий, а не историю промышленности»⁴⁶. Подобно своему учителю, Анфантен исходит из признания возрастания роли производства в жизни человеческого общества. «Сен-Симон, — писал он, — поставил перед материальной деятельностью рода людского совершенно новые задачи; промышленность приобретет в будущем более могучее политическое значение, чем то, какое когда-либо имела война в самых воинственных обществах древности»⁴⁷.

Прошлое промышленности служит Анфантену одним из средств познания «современного распределения собственности и продуктов труда»⁴⁸.

Рассматривая экономические явления XIX в., Анфантен говорит, что «они связаны с общим состоянием общества»⁴⁹. Именно поэтому он считал своей задачей рассмотреть не только «экономические факты, факты экономического порядка, но и политику в целом, приняв за ее основу четкое социальное деление людей на праздных и трудящихся»⁵⁰. Он полагал важным не только установить связь между фактами производственного ряда и деления общества на трудящихся и праздных, но и показать, что «все проблемы политической экономии должны быть сведены к единому принципу, в соответствии с которым о пользе той или иной экономической меры или идеи будут судить лишь после изучения вопроса о том, насколько они прямо выгодны трудящимся или косвенно влияя на улучшение их положения, подрывая положение праздных»⁵¹. Рассмотрение фактов экономического порядка в тесной связи с социальной структурой общества, с позиции материальных интересов трудящихся, — важнейшая черта политической экономии Анфантена: «Любая экономическая мера, целью которой не служит улучшение положения трудящихся и соответствующее подавление праздности, будет пагубна для общественного благополучия»⁵².

Анфантен утверждает, что политическая экономия служит для него основой экономической политики, превращается для него в промышленную политику. Иначе говоря, цель этой науки состоит в том, чтобы определить, каковы социальные условия, с помощью которых орудия производства, продукты производства, сами трудящиеся будут разделены, распределены, одним словом, организованы наилучшим образом»⁵³. «Про-

⁴⁴ P. Enfantin. Op. cit., p. 103, 105.

⁴⁵ Ibid., p. 57.

⁴⁶ Ibid., p. 52—54.

⁴⁷ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. XLI, p. 277.

⁴⁸ P. Enfantin. Op. cit., p. 48.

⁴⁹ Ibid., p. 57.

⁵⁰ Ibid., p. 8.

⁵¹ Ibid., p. 7.

⁵² Ibid., p. 46.

⁵³ Ibid., p. 120.

изводственный ряд» в его представлении — один из аспектов действительности, политическая экономия — одна из частей общей доктрины, общей религии. «Мы включаем в нашу теологию и политическую экономию, и метафизику, — подчеркивал Анфантен, — поскольку наш бог — не дух единый, он — все сущее»⁵⁴.

Таким образом, специально занимаясь «производственным рядом», Анфантен не пришел к материалистическому пониманию общественных явлений, хотя и высказал немало весьма интересных соображений о предмете политической экономии. Он не ограничился постановкой общих проблем этой науки, а с разной степенью полноты и соответствия действительности раскрыл некоторые стороны производственной деятельности человека.

На первое место здесь, бесспорно, выдвигается рассмотрение проблем собственности. Именно в этой точке пересекается творчество Базара и Анфантена. Неслучайно в лекцию Базара «Структура собственности» Анфантен внес ряд существенных дополнений, неслучайно он стал автором следующей лекции «Современные теории собственности». Для Базара учение о собственности — необходимый элемент его социальной философии истории. Движение его мысли в анализе исторической действительности и в обосновании взглядов об «окончательном состоянии» может быть представлено как путь от описания эпох критических и органических, антагонизма и ассоциации и их исторических форм, включая эксплуатацию наемного рабочего собственником средств производства, к рассмотрению «ближайшего основания» этой эксплуатации — структуры исторических форм собственности. Оба выдающихся руководителя сенсимонистской школы могли, несомненно, подписаться под следующими словами Сен-Симона: «Чтобы хорошо понять наши идеи о собственности, необходимо не отделять их от изложенных ранее идей о развитии человечества, о законе этого развития и о будущем, уготованном нашим упованием»⁵⁵.

Однако Анфантена, кроме вопроса о неразрывной связи идей, относящихся к собственности, и всей совокупности представлений, характеризующих законы развития социального организма, волновала также проблема отношения этих теоретических идей к материальной, производственной деятельности людей⁵⁶. Если Базар разрабатывал учение о собственности как теоретическую идею, как элемент социальной философии в целом, то Анфантен в материальной деятельности людей видел практическое воплощение этой идеи, рассматривал собственность как основу производственного ряда. В первую очередь его интересовало современное состояние собственности.

Анфантен определял собственность не просто как «ближайшее основание эксплуатации человека человеком», а как воплощение ряда социально-экономических фактов. «Собственность в самом обычном значении этого слова, — писал он, — складывается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления и дают в настоящее время право на прибыль. В этом смысле она охватывает земельные владения и капиталы, т. е., выражаясь языком экономистов, фонд производства. Для нас земельные владения и капиталы, каковы бы они ни были, являются орудиями производства; землевладельцы и капиталисты (два класса, которые в этом отношении нельзя отличить один от другого) являются хранителями этих орудий, их функция заключается в распределении последних между трудящимися»⁵⁷. В отличие от буржуазных экономистов,

⁵⁴ Ibid., p. 77.

⁵⁵ H. Saint-Simon. Op. cit., vol. XLI, p. 277.

⁵⁶ Ibid., p. 276—277.

⁵⁷ Ibid., p. 247. Весьма интересно авторское примечание: это распределение совершается при помощи операций, обеспечивающих взимание процентов и различных арендных платежей. По нашему мнению, данное примечание — одно из доказательств того, что именно Анфантен был автором отрывка, который он поясняет.

Анфантен рассматривает собственность не как нечто неизменное, а как социальный институт, подчиненный общему закону прогрессивного развития ⁵⁸.

«Нынешнюю организацию собственности», связанную с передачей ее по наследству, Анфантен оценивал как наследие прошлого ⁵⁹. Однако историзм Анфантена недостаточно глубок. Если в целом ему ясна разница между рабством и феодализмом, то отличие феодальной структуры собственности от ее «нынешнего состояния» в теоретическом плане им не выясняется. Больше того, Анфантен скорее подчеркивает момент связи между ними, чем отличия. Специфику современности он выясняет на явлениях более низкого порядка, когда описывает некоторые стороны хозяйственной деятельности капиталистического общества, устанавливает ее зависимость от социальной структуры, характеризует класс праздных и класс трудящихся, намечает черты общества будущего и пути его построения.

Нынешняя система передаваемой по наследству собственности такова, что производство не достигает той степени совершенства, на какое оно могло бы претендовать. Землевладельцы и капиталисты, выступая в роли распределителей орудий труда и получая за это «значительную долю, представляемую им из годового производства», плохо выполняют свои общественные функции, ибо привязаны к ним случайностью происхождения ⁶⁰. Для организации материальной деятельности необходимо, чтобы орудия производства распределялись сообразно потребностям каждой местности и каждой отрасли хозяйства, при учете индивидуальных способностей экономики «никогда не приходилось опасаться ни нехватки, ни переизбытка» ⁶¹. Все эти условия выполняются землевладельцами и капиталистами стихийно, «вслепую, после частых ошибок и досадных неудач» ⁶². Каждый из них организует производство лишь на основе собственных знаний и опыта, не руководствуясь никаким общим замыслом ⁶³.

Итак, анархия капиталистического производства и некомпетентность его случайных руководителей выступают характерными чертами современности. Они ведут к «жестоким кризисам, гибельным катастрофам, столь часто опустошающим производство» ⁶⁴. Анархия производства, конкуренция предпринимателей и кризисы — лишь разные стороны одного и того же процесса. «Бросим взгляд на окружающее нас общество. Промышленность жестоко страдает от многочисленных кризисов, от прискорбных катастроф», причиной которых служит «принцип неограниченной конкуренции» ⁶⁵. Интересно отметить, что представления об анархии связываются с учением о критической эпохе, а о конкуренции — с концепцией об антагонизме. Не только формальное признание Анфантенем и Базаром Сен-Симона своим учителем, но и их точки соприкосновения с ним в учении о собственности, анархии, конкуренции и кризисах современной эпохи свидетельствуют, что они принадлежали к одному и тому же направлению общественной мысли — критическо-утопическому социализму.

Критика реально существующего капитализма, попытка с научных позиций обосновать неизбежность общества, которое придет ему на смену, — характерная черта идейного наследия и Сен-Симона, и Базара, и Анфантена. Каждый из них внес свой вклад в разработку этих проблем, каждый из них достиг своего уровня их понимания или непонимания.

⁵⁸ Ibid., vol. XLI, p. 289—290.

⁵⁹ Ibid., p. 282, 285, 286, 287.

⁶⁰ Ibid., p. 246.

⁶¹ Ibid., p. 249.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibid., p. 249, 250.

⁶⁴ Ibid., p. 248, 249.

⁶⁵ Ibid., p. 262, 263.

Анфантен скорее назвал, чем проанализировал, подмеченные им явления анархии, конкуренции и кризисов капиталистического производства.

Более глубоко он исследует проблемы, связанные с финансово-кредитными операциями. Особенно большое место в «Политической экономии и политике» Анфантена занимает вопрос о взаимосвязях между займом, государственным долгом, налогом и механизмом погашения займа, включая процентные надбавки⁶⁶. Анфантен излагал свои взгляды, полемизируя с тогдашним министром финансов банкиром Лаффигом, сторонником государственных займов, которым он отдавал предпочтение перед налогами.

Основываясь на принципе связи экономических явлений с классовой структурой общества, Анфантен утверждает: «Все финансовые проблемы выступают в качестве одного лишь из проявлений великой политической проблемы, сводящейся к тому, что в одном и том же обществе существуют в определенном соотношении собственники и несобственники, люди, живущие доходами, и люди, живущие своим трудом, праздные и трудящиеся»⁶⁷. Соответственно, социальный аспект формирования налога и займа состоит в том, что первые взимаются главным образом с трудящихся, вторые — с праздных⁶⁸.

Тезис о необходимости широких общественных работ, всемерного развития экономии был чрезвычайно популярен среди сенсимонистов различных идеологических ориентаций, но он занимает совершенно незначительное место в анфантеновской системе критическо-утопического социализма. Только после 1832 г. развитие индустрии при сохранении существовавших социальных отношений становится предметом исключительных забот Анфантена. А пока в своих экономических работах он подчеркивает связи финансовых и социальных проблем. Использование займов, величина государственного долга представляются ему второстепенными вопросами по сравнению с тем, что задолженность государства праздным капиталистам погашается с помощью налогов, насильно взимаемых с немущих тружеников. В конечном итоге налог не только погашает данный заем, но и формирует будущий. А сам заем, размещенный, как правило, для покрытия чрезвычайных расходов, мобилизует суммы, которые не удалось взыскать в качестве налогов, т. е. является не чем иным, как дополнителем налогом⁶⁹.

Для улучшения положения трудящихся классов и уменьшения доходов праздных Анфантен требует снижения учетной ставки и сокращения налоговых платежей. Такая мера, полагает он, будет весьма благоприятна для тружеников даже в том случае, если соответствующую сумму они истратят не на нужды производства, а на повышение своего образования и на развлечения. Далее Анфантен формулирует неопределенное общее требование использовать суммы, образовавшиеся от сокращения налогов, для дальнейшего снижения процентов, т. е. ренты, которую трудящиеся выплачивают праздным⁷⁰. Если вопросы о займе, механизме его погашения и налоге Анфантен излагает довольно развернуто, то упоминание им таких сложнейших понятий, как арендная плата, связанные с ней проценты, зарплата, выступает лишь в ряду исходных посылок для обоснования концепции о делении общества на трудящихся и праздных. «Трудящиеся по необходимости желают повышения заработной платы, понижения арендной платы, у праздных — противоположные желания, ибо они живут за счет арендных платежей, они не получают, а выплачивают заработную плату»⁷¹, — утверждает Анфантен, но далее не обосновывает ни одного из названных понятий.

⁶⁶ P. Enfantin. Op. cit., p. 12.

⁶⁷ Ibid., p. 13.

⁶⁸ Ibid., p. 13, 18.

⁶⁹ Ibid., p. 39, 42.

⁷⁰ Ibid., p. 23—24.

⁷¹ Ibid., p. 63.

Эскизность анфантеновской политической экономии, предварительный характер его «науки о материальной деятельности людей» проступают особенно наглядно, когда автор говорит о связи между кредитно-финансовыми операциями и производством и пытается выяснить источники доходов капиталистов. Анфантен отмечает, что никто из его предшественников-экономистов не обращал внимания на «принцип социального порядка, в соответствии с которым одни люди владеют средствами производства, а другие арендуют их, в результате чего первые живут на часть продуктов, полученных трудом вторых»⁷².

Однако отношения трудящихся и капиталистов в процессе производства остаются по существу вне поля зрения политической экономии Анфантена. Он базирует ее на анализе некоторых хорошо известных ему кредитно-финансовых операций и лишь в самой общей форме указывает на связь между финансами и капиталистическим производством. Здесь ярко проявляются как глубина, так и ограниченность, как достижения, так и утопичность, ненаучность теоретических разработок Анфантена-экономиста.

Как уже отмечалось, всю «Политическую экономию и политику» призывает идея неразрывной связи между «производственным рядом» и разделением общества на праздных и тружеников. В обосновании концепции социальных классов Анфантен пошел вперед по сравнению с Сен-Симоном. Ему в большей степени, чем учителю, удалось раскрыть существующее разделение феодального и буржуазного общества на праздных и трудящихся, с одной стороны, на собственников и несобственников, с другой. Сен-Симон, противопоставляя феодалов производителям материальных и духовных богатств, нередко относил к числу трудящихся не только крестьян, рабочих, ученых, художников, но и тех собственников, которые как-то участвовали в процессе производства: предпринимателей, финансистов, торговцев. Таких представлений о производительном классе Сен-Симон преодолеть не смог, хотя понимал и особое положение, и особые интересы пролетариата. Больше того, от великого социалиста-утописта не ускользнуло ни изменение положения «руководителей промышленного класса», ни нарастание противоречий между хозяевами и наемными рабочими после Французской революции конца XVIII в. Симпатии Сен-Симона на стороне рабочих, цель общества он видит в улучшении положения неимущих, составляющих большинство французского народа. Но иногда критерий участия или неучастия в производстве для него важнее другого критерия — отношения к средствам производства, и именно поэтому некоторые категории «деятельной» буржуазии попадают у него вместе с неимущими в антифеодальный класс производителей.

У Анфантена же критерий отношения к средствам производства выдвигается, как правило, на первый план, деление на собственников и несобственников оказывается определяющим, причем первые выступают как праздные, вторые — как трудящиеся. Применительно к тому времени на одной стороне оказываются «собственники», «праздные», «получатели доходов», «владельцы средств производства», «заимодавцы», «капиталисты», «буржуа», а на другой — «неимущие», «пролетарии», «трудящиеся», «налогоплательщики», «рабочие», «наемные рабочие». Анфантен отмечает, что в обществе существуют два класса — «тот, который владеет и не работает, и тот, который работает, но не владеет»⁷³. Эта мысль в разных вариантах повторяется многократно⁷⁴. Анфантен специально оговаривает, что «получатели рент не входят в число производителей», что «их занятие скорее состоит в том, чтобы потреблять»⁷⁵.

⁷² Ibid., p. 63.

⁷³ Ibid., p. 57.

⁷⁴ Ibid., p. 53.

⁷⁵ Ibid., p. 20.

Особого внимания заслуживают формулировки, непосредственно относящиеся к современности. «Буржуа ничего не производят... Это праздный класс в трудящемся обществе»⁷⁶. «Ныне феодализм,— утверждает Анфантен,— воплотился в праздную буржуазию»⁷⁷. Производители — это трудящиеся пролетарии, живущие исключительно своим трудом; «чтобы не умереть с голода они не могут отдохнуть ни года, ни месяца, ни даже дня»⁷⁸. К этому классу примыкают «учащаяся молодежь», а также ученые и художники⁷⁹. Резюмируя высказывания Анфантена, можно сказать, что в его представлении трудящиеся — это те, кто, не обладая собственностью, производит материальные, моральные и интеллектуальные богатства⁸⁰.

Нельзя обойти вниманием мнение Анфантена о трудящихся, выступающих иногда как мелкие держатели ценных бумаг, и о собственниках, принимающих участие в процессе производства. Буржуазные экономисты всемерно подчеркивают, что есть мелкие и крупные рантье, что трудящиеся могут быть держателями ценных бумаг. Но выступая в роли мелкого рантье, трудящийся, как правило, стремится обеспечить себе старость после долгих лет изнурительной работы. Подобный отдых не имеет ничего общего с «прирожденным и постоянным бездельем» класса праздных собственников. Тот факт, что некоторые рабочие могут стать мелкими рантье, не отменяет принципиального разделения общества на праздных буржуа и неимущих рабочих. Не отменяет этого разделения и то обстоятельство, что некоторые буржуа могут принимать участие в производстве. Анфантен вовсе не отрицает ни этого обстоятельства, ни определенного различия интересов «деятельных капиталистов» и их абсолютно бездельничающих собратьев. Для автора «Политической экономии и политики» гораздо более важно, что обе группы собственников испытывают общий страх: «они боятся потерять то, что имеют». Критерий отношения к собственности и в данном случае выступает главным.

Отношения «богатых и бедных, хозяев и наемных рабочих», «рабочего и его буржуа» характеризуются антагонизмом, борьбой, ибо их интересы как собственников и пролетариев, трудящихся и праздных противоположны⁸¹. Ведь современное общество устроено так, что трудящиеся классы «страдают от жестокой эксплуатации со стороны класса бездельников», а буржуа, существуя на чужой труд, постоянно боятся эксплуатируемых⁸².

Эта четкость социально-экономического анализа нарушается, когда Анфантен пишет о роли банкиров. Как бы то ни было, рассуждение Анфантена о роли банков и кредита роднит его не с критическо-утопическим социализмом Сен-Симона, а с буржуазно-индустриалистской тенденцией сенсимонистской школы. Как один из руководителей этой школы Анфантен отдавал дань названной тенденции, а после 1832 г. свел к ней одной свою практическую деятельность. Таким образом, только к банкирам Анфантен не применяет критерия отношения к средствам производства и на первый план выдвигает их роль в организации материальной деятельности.

Анализ общих проблем собственности, хозяйственной деятельности, классовой структуры, критика социальной действительности служит Анфантену лишь средством обоснования «необходимости введения нового принципа в политическую экономию», показать «возможность создания общества, члены которого будут спаяны общим интересом»⁸³ — стремлени-

⁷⁶ Ibid., p. 98.

⁷⁷ Ibid., p. 94.

⁷⁸ Ibid., p. 65.

⁷⁹ Ibid., p. 95—96, 93.

⁸⁰ Ibid., p. 97.

⁸¹ Ibid., p. 65, 66.

⁸² Ibid., p. 26, 73.

⁸³ Ibid., p. 7, 67.

ем улучшить материальное, моральное и интеллектуальное положение трудящихся.

Общество будущего в «Политической экономии и политике» мыслится «как централизованная организация, реализующая принцип использования каждого человека по способностям и его вознаграждения по труду». Она выступает как единство промышленной, научной и религиозной действительности⁸⁴. Мыслится же эта организация, это будущее, преисполненное мира, свободы и любви, это предвидение Сен-Симона как весьма отдаленная перспектива⁸⁵.

Хотя «нынешнее состояние» характеризуется борьбой между буржуа и наемными рабочими и «всякая мысль о насилии ради его прекращения была бы абсурдом»⁸⁶, переход к обществу будущего и конечной организации материальной деятельности человечества может быть, считает Анфантен, только мирным и постепенным. Помимо распространения сенсимонистской религии необходимо проведение некоторых предварительных мер. Здесь выдвигается требование отмены права наследования не по прямой линии. Анфантен предлагает изменить право наследования, признающее 12-ю степень родства: она должна стать гораздо более близкой. Соответствующие выморочные средства государство должно использовать для снижения самых тяжелых налогов⁸⁷. Он требует также увеличить налог на право наследования по прямой линии и полученные деньги использовать на нужды трудящихся⁸⁸. План предварительных мероприятий предусматривает и широкую организацию кредита с помощью банков⁸⁹, а «рост их числа, — по мнению Анфантена, — понизит учетную ставку, облегчит кредитные операции, т. е. передачу капиталов из рук праздных в руки трудящихся»⁹⁰.

При всей утопичности, нереальности и даже некоторой двусмысленности рассуждений о банках и банкирах именно в связи с ними Анфантен высказывает одно из самых глубоких положений своей политической экономии. «Кредит, банкиры, банки, — писал он, — все это еще только грубый зачаток производственной системы, чьи основы мы хотим заложить: нынешняя организация банков воспроизводит отчасти пороки системы, при которой владельцы орудий производства являются одновременно теми, кто их распределяет, т. е. системы, при которой у распределяющего лица постоянно существует побуждение взимать с продуктов труда возможно большие поборы... Мы не хотим сказать, что предварительно требуется полная перемена в окружающих нас общих политических условиях для того, чтобы банкирское дело стало способным к совершенствованию. Для нас политика не узкая сфера, в которой суетится несколько незначительных личностей сегодняшнего дня; политика без производства — пустой звук, лишенный смысла. Между тем самым выдающимся фактором экономики в настоящее время являются банкиры, банки; таким образом изменить политические условия означает необходимость непременно изменить банкиров и банки и, наоборот, усовершенствование банков и социально-экономической функции банкиров — это усовершенствование политики»⁹¹. Это пространное высказывание чрезвычайно характерно для Анфантена-экономиста: оно указывает и на слабые, и на сильные стороны его политэкономии.

Если Базар многое сделал для теоретического обоснования неизбежности перехода к «ассоциации трудящихся», то «производственный ряд»

⁸⁴ Ibid., p. 133, 147, 171.

⁸⁵ Ibid., p. 77.

⁸⁶ Ibid., p. 75.

⁸⁷ Ibid., p. 78, 83—86.

⁸⁸ Ibid., p. 78—79, 86—89.

⁸⁹ Ibid., p. 79—80, 105—116; H. S a i n t - S i m o n. Op. cit., vol. XLI, p. 263—274.

⁹⁰ P. E n f a n t i n. Op. cit., p. 80.

⁹¹ H. S a i n t - S i m o n. Op. cit., vol. XLI, p. 266, 268.

в его социальной философии и философии истории лишь намечен. Применение же сенсимонизма к анализу хозяйственно-экономической и финансовой деятельности капиталистического общества, присущей ему структуры собственности, недостатков социальной структуры, механизмов эксплуатации наемного рабочего собственником-буржуа, экономических основ общества будущего, попытки построить политическую экономию на принципах критическо-утопического социализма, стремление определить ее предмет, содержание и цели — это неоспоримая заслуга Анфантена. Его политическая экономия требовала не только интенсивной эксплуатации земли и научной организации социальных сил, но и глубокого, хотя медленного и мирного, социально-экономического и политического преобразования, в результате которого не будет праздных капиталистов и трудящихся пролетариев, — общество превратится в централизованную научно-управляемую организацию, в которой каждый будет работать по способности, получать по своим трудам и обладать как правом на труд, так и на отдых.

Внимание к «производственному ряду» не избавило Анфантена от идеализма и утопизма в решении общественных вопросов; об этом свидетельствуют и ограничение экономической деятельности сферой финансовых операций, и непонимание роли рабочего класса как творца нового общества, и совершенно нечеткие и не отвечающие действительности представления о путях общественных преобразований.